

Анастасия Салмина

**Никто не боится
дождя в Нью-Вавилоне**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Салмина А. Д.

Никто не боится дождя в Нью-Вавилоне / А. Д. Салмина —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Отнять у человека саму личность больше не изуверство и не что-то, выходящее из ряда вон. Однако, даже самое ужасное прошлое, исчезнув, оставляет необъемную пустоту внутри, заставляя обретать его снова. Содержит нецензурную брань.

Яркий свет...

Свет резко освещает больничную палату. Вернее, эта комната лишь притворяется медицинским учреждением, надев личину стерильной белизны, ибо здесь нет ни одного больного – десять одинаковых коек заняты абсолютно здоровыми людьми, лежащими на спинах. Их лица бледны и ярко освещены мгновение назад загоревшимся светом: для них это сигнал к пробуждению, беззвучной, но отработанной до рефлекса команды «подъем». Спустя мгновение после того, как пространство заполняет электрическое сияние, механически, как заведенные роботы, все десять человек поднимаются и вытягивают руки перед собой ладонями вниз. Они одеты в одинаковые белые майки с шортами, их подстриженные (у мужчин – ежиком, у женщин – в удлиненное каре) волосы одного и того же серо-русого цвета, как и их серые глаза: кажется, что их невозможно отличить друг от друга, если бы не разный пол и черты лица. Это напоминает танцевальную постановку, которая разыгрывается каждое утро для незримого наблюдателя.

Несколько секунд тишины перетекают в несколько минут – но люди продолжают стоять с терпеливостью восточных монахов. Тишину обрывает шум открывающейся двери и мягкие шаги двух человек в зеленой медицинской форме. Один – невысокий и плотный, начитывает вслух тощему и высокому хриплым, еще не проснувшимся голосом:

– Корпус два проекта «Омега», день сто двадцать шестой, состояние наблюдаемой группы кандидатов в агенты. Записал?

Второй из зашедших что-то быстро набирает на голографическом экранчике. Первый начинает беглый осмотр первого «пациента» – ощупывает ноги, руки, все, вплоть до корней волос, сгибает и разгибает конечности, параллельно непринужденно беседуя с коллегой:

– Слышал уже, Дейви? Проект могут закрыть.

– Ого. Это как так?

– Да наверху что-то там начали спорить о правах человека. Мол, если вскрыется, чем мы тут занимаемся, будет большой скандал.

– Ты сам в это веришь, Скотт? Давно вскрывали тайные правительственные проекты?

– Ну, хакерские атаки на прошлой... Так, этот в норме. Номер Одиннадцать – состояние нормальное, суставы мобильны, зрачок реагирует на свет стандартно.

Дейв быстро внес данные в таблицу и они перешли к другому стоящему неподвижной статуей человеку.

– Хакерские атаки участились. – Продолжал Скотт, повторяя процедуру осмотра – Может, интернет-хулиганы, может, ну... сам понимаешь.

– Русские?

Медработник прыснул со смеху и выпустил руку осматриваемого, после чего, несколько раз согнув и разогнув ее, продолжил:

– У нас тут уже не Холодная война, Дейв. Уже лет сто как.

– Ну ладно, ладно, исландцы с китайских серверов.

– Да не важно.

– Ну, допустим, проект свернут. А этих куда?

– Этих... Ну, будут как-то жить. Номер Двенадцать – состояние нормальное, суставы мобильны, зрачок реагирует на свет стандартно.

Скотт и Дейв перешли к следующему. После короткого молчания Дейв поднял голову от экранчика и снова начал говорить:

– Нет, ну хорошо, их выпустят. Куда дальше? У них же белое полотно вместо памяти.

– А социализация сильно зависит от памяти? По-моему, их достаточно подготовили к общению с людьми.

– Ага. Хотел бы я знать столько языков и психологических уловок. Но все же, выпускать в мир подготовленных агентов и заставлять печь пирожки и подметать улицы – по-моему... Ну, я не знаю.

– Дейв, не мешай.

– Все, все, Скотт, не буду.

Осмотр продвигался вяло, и спустя еще нескольких «пациентов», медработники снова разговорились.

– Номер пятнадцать, состояние нормальное, сустав правого колена издает слабый щелчок, зрачок реагирует на свет стандартно. Записал?

– Записал. Скотт, ну вот ты как думаешь, если за всем стоит вопрос прав человека, то уничтожать кандидатов не должны?

– Какая мерзость, Дейв! Конечно, их не будут уничтожать.

– Ну мало ли.

– Нас ругают за бесчеловечные методы, мол, человек без памяти, без биометрических данных, стерилизованный, прости Господи – результат изуверства.

– Но...

– Номер шестнадцать, состояние нормальное, суставы мобильны, зрачок реагирует на свет стандартно.

– Но раньше никаких проблем не было.

– Не было прецедента. Никто раньше не пытался создавать идеальных агентов.

– Ах, вот оно что... Жаль, мне здесь нравилось.

– Не говори, Дейв. Я набрал кредитов уже...

Скотт вздохнул и посветил диодным фонариком в глаза кандидату номер семнадцать.

Яркий свет...

Яркий свет ослепительной вспышкой залил все вокруг, заполнив собой все пространство и вытеснив все образы своей бесконечной мощью. Диалог медработников растворился в сознании женщины-кандидата, отдаваясь непонятным эхом вокруг. Мир переменялся, сделав резкий кувырок из сновидения в реальность, оставив ощущение тягучей тоски и странное ностальгическое послевкусие. Номер Семнадцать закрыла и открыла глаза. Никакой палаты, никакого света, только тускло освещенная комнатка с проецирующимися на облезлую стену большими зелеными цифрами часов. Ровно девять утра.

На протяжении последних трех лет Номер Семнадцать просыпалась ровно в девять утра. Но раздражало ее не это – каждое утро перед пробуждением, она, влекомая непонятным порывом, вставала и вытягивала руки вперед ладонями вниз. Это утро было не исключением. Женщина сжала зубы, и слегка ударила ладонью левой руки по запястью правой, будто это руки были виноваты в повторении странного ежеутреннего ритуала. В коридоре на полную громкость работало чье-то радио, в котором ведущий своим фальшиво оптимистичным тоном тараторил: "Во всей округе передают проливные дожди, но в прекрасном Нью-Вавилоне никто не боится дождя!"

Номер Семнадцать шумно опустилась на кровать. Она так часто прокручивала в голове последний диалог двух медработников проекта «Омега», что он начал ей сниться. Опустив голову, женщина нервно потеряла спину между лопаток, нащупывая слегка отличающуюся на ощупь поверхность. Незримая метка с кодировкой и номером, которая должна была служить ее идентификатором, единственным именем и всем, чем она являлась. Номер Семнадцать вздохнула и задала вопрос куда-то в пустоту комнаты:

– Что же я сделала не так?

Последние три года этот вопрос мучил ее практически без передышки. Она подняла левую руку с электронным браслетом, который занимал часть руки от запястья и почти до локтя, и, нащупав рычажок на его внутренней стороне, отстегнула его. Единственный гаджет, который сейчас был практически у каждого, и с которым Номер Семнадцать не расставалась, остался лежать на коленях, обнажив незагорелую руку. Женщина отклеила тонкую пленку внутри и достала несколько раз сложенный лист бумаги – единственный документ, который остался с ней после роспуска проекта «Омега». Она развернула листок, в который ввелись линии сгиба.

«...Этот документ свидетельствует, что ЛИЦО_1 дает полное согласие на участие в качестве кандидата в вышеуказанном проекте, который предусматривает:

– Удаление биометрических данных (лазерное удаление папиллярных рисунков ладоней и стоп, полная замена зубов, лазерная коррекция сетчатки глаз, пластические операции, удаления внутренних органов и так далее).

– Манипуляции с мозгом кандидата, коррекция памяти.

– Переобучение и переполучение всех навыков, начиная от базовых...»

Номер Семнадцать бросила читать, ведь могла наизусть назвать каждое слово. Она столько раз перечитывала и вчитывалась в документ, будто сейчас в ней откроется дар ясно-видения и она увидит сквозь сухие строки себя – таковой, которой была до всего, что имело название «Проект «Омега». Естественно, согласиться на такое было полным безумием и женщина недоумевала, что же она должна была такого ужасного и непоправимого сделать в своей жизни, чтобы согласиться участвовать в проекте, в результате которого от ее личности ничего не осталось. Вернее, остались две вещи – крайне неразборчивая подпись, в которой были инициалы «О (Q? G?). J (I?).» и любовь к леденцам на палочке. От всего многообразия и блеска индивидуальности, присущих натуре живого человека.

Номер Семнадцать аккуратно сложила листок бумаги и поместила его обратно на тыльную сторону электронного браслета, плотно заклеив непрозрачной пленкой. После приступа утренней меланхолии она воодушевила себя мыслью о том, что, возможно, ее измененное пластической хирургией лицо хоть и было сделано максимально незаметным, было хотя бы средне-симпатичным, а частые тренировки дали ей неплохую фигуру, что, в общем, не так плохо для женщины. Да и сейчас ее жизнь складывалась не худшим образом: она нашла отличную работу для своих способностей – и все благодаря Организации. Однако все это оставалось лишь фасадом, смутными очертаниями движений на бледном фоне, сухими строками программного алгоритма, которые она выполняла, чтобы в конце концов заполнить давящую пустоту.

Номер Семнадцать защелкнула браслет на руке, и, перевернув, обнаружила мигающий индикатор. Открыв голографический интерфейс, женщина улыбнулась – это было новое сообщение на электронную почту со сплошным набором на первый взгляд бессвязных букв и цифр, из которых непосвященный понял бы разве что "16:00". Новый заказ. Как раз вовремя.

Когда для нее закрылись двери военного шпионажа, открылись двери промышленного. Оказалось, корпорации, которые были истинными хозяевами жизни, были куда более щедрыми и надежными, чем парни из правительства. И даже вели войны, причем местами довольно кровопролитные. Когда хотя бы мельком, хотя бы сквозь замочную скважину заглядываешь на внутреннюю кухню истинной борьбы между воротилами бизнеса – уже не смотришь на мир как прежде. А наемники видели гораздо более, хотя их безликие координаторы, которых они называли просто "Организация", всячески старались сохранить конфиденциальность – настолько, что ты никогда не знал, от кого получил заказ – но все равно узнавать доводилось более, чем стоило бы. Номер Семнадцать выполнила уже достаточное количество заданий – и достаточное количество отклонила, находя слишком аморальными – чтобы заглянуть не в замочную скважину, а в зияющую дыру в стене, которая ограждала простых граждан от истинной сущности их мира. Пустым фасадом стояли политики, СМИ, всевозможные организации и медийные лица: все было одной из сотен масок искавших выгоды. Последнее время имел место очередной всплеск моды на конспирологические теории, особенно о масонах и тайном правительстве инопланетян, хотя истинное тайное правительство не пряталось в кулуарах, а нагло улыбалось с билбордов в счастливые лица общества потребления.

Номер Семнадцать еще не знала условий заказа – расшифровать текст было невозможно без одноразового ключа. Да, некоторые допотопные способы шифрования были надежнее новых цифровых, что было чертовски ироничным. Ключ обычно передавали по номерной радиостанции в тот же день, что и пришедшее письмо, а в нем было только время трансляции на нужной частоте. Конечно, можно было найти в интернете трансляцию с удаленного радиоприемника, но Номер Семнадцать обычно для прослушивания трансляции любила покидать город. Женщина размялась и решила не медлить – каждый раз расшифровка текста была забавным занятием. Забавным потому, что она любила посещать то место, где жила после того, как «Омега» была закрыта, а всех кандидатов выбросили просто на улицу – да, неслыханная, вопиющая безответственность со стороны казалось бы, гиперответственных силовых структур. Номер Семнадцать часто удивлялась этому, ведь единственное, о чем позаботилось их бывшее начальство – чтобы ни один «омеговец» не имел контакта с другим во избежание появления группировки.

Перед выходом из дома женщина надела цифровой нанокостюм, покрывающий все тело. Он был очень дорогим и специфическим, кроме всего прочего, позволял передвигаться по вертикальным поверхностям, его голографическое покрытие могло окраситься в любой цвет, а в режиме «невидимки» и вовсе мимикрировать под окружающую среду. Тот же материал покрывал ее рюкзак. Номер Семнадцать всегда костюм на случай опасности под обычной одеждой, обнажая только голову, так что он стал почти таким же ее атрибутом, как и электронный браслет. Костюм был куплен ею у одной из корпораций, специализирующейся на наноэлектронике. Пришлось потратить почти весь гонорар.

Накинув сверху толстовку и надев рюкзак, Номер Семнадцать подошла было к двери, но, едва взявшись за ручку, передумала. Замерев, как статуя, женщина прислушалась к звукам за дверью. Едва различимые крики доносились справа, приглушенные то ли закрытой дверью, то ли лестничным пролетом. Она жила на нижних ярусах города, славившихся своим маргинальным населением, и сейчас где-то неподалеку назревала потасовка. Развернувшись, она открыла окно и ловким прыжком перемахнув через пустое пространство, оказалась на бетонном парапете, коих было множество вокруг, и спустя еще несколько парапетов, козырьков и балок, спустилась на улицу, неспешно, как ни в чем не бывало, шагая по улице-тоннелю в железобетонном теле города. Полицейский дрон повернулся было в ее сторону, но преследовать не стал: тут что не день, так развлекается паркурком кто-то из уличной шпаны.

Проект города-пирамиды носил рабочее название "Вавилонская Башня", но он прижился, и городу в свое время дали название Нью-Вавилон. Этот город, будто насмехаясь над жителями, олицетворял его систему. Это был шедевр архитектурной и конструкторской мысли, призванный побороть перенаселение мегаполисов – монументальная ступенчатая пирамида, полностью обеспечивавшая инфраструктуру, бесперебойное комфортное существование и места работы и жизни миллионов людей. Почему же это великолепие походило на насмешку? Да потому, что в саму задумку города была заложена классовая дифференциация – огромные, густонаселенные нижние ярусы были максимально компактными и функциональными: улы рабочего народа, с четким разделением на сектора, в каждом из которых была своя инфраструктура – школы, детские сады, больницы, торговые центры. Дома вращались прямо в потолочные перекрытия, будто в серые бетонные небеса, прижимающие людей к земле. И чем ближе к центру яруса, тем меньше солнечного света могло проникнуть к людям, которым не повезло там жить. Но, с каждым ярусом вверх, пространства и света становилось больше, а унылые улочки-тоннели превращались в блестящие стеклянно-зеркальные пассажирские конвейеры, а серых, вечно торопливых человечков сменяли вальяжно плывущие по улицам,

с иголки одетые люди. Офисы корпораций находились на верхушке пирамиды, малонаселенной, почти всегда залитой солнцем, ибо часто облака так высоко уже не формировались. Они соседствовали с правительством, которое будто бы чувствовало себя неудобно среди ослепительного блеска центральных офисов воротил со своим сдержанным экстерьером. Снаружи было несложно понять, на какой из ступеней пирамиды начинались ярусы хозяев жизни: они блестели и сияли, словно окутанный облаками Олимп, на котором восседают небожители под самым носом у Господа Бога.

Улицы пирамидального города сильно отличались по мере приближения ко внешней стороне пирамиды. Двигаясь из ее центра – не важно, пешком или на транспорте в виде сети подвесных эскалаторов или электричек, в дневное время можно было проследить каждую стадию наступления «рассвета», от слабо сереющих стен до прямых лучей солнца, то и дело бросающих на поверхность бетонной утробы яркие полосы. Номер Семнадцать сменила несколько туннелей, и вышла к той части пирамиды, что освещалась дневным светом. Она прищурилась от непривычной яркости, и, порывшись в карманах, среди липких бумажек нащупала нетронутую конфету на палочке, развернула и положила на язык. Номер Семнадцать обожала эти леденцы. Они успокаивали и придавали ей непринужденный вид среднестатистической жительницы нижнего яруса. За всю дорогу от своей ячейки к краю пирамиды женщина считала 12 полицейских дронов, успела стать свидетельницей очереди на туннельный поезд, и зашла в пахнущую на целый квартал кондитерскую, накупив конфет и печенья. Однако, эта дорога была самым простым отрезком ее пути к старому месту жительства. Здесь был выход вентиляционной шахты, которыми был пронизан пирамидальный город; он был закрыт огромной тяжелой решеткой, однако, рабочие не запирали техническую «калитку» ведь никому не пришлось бы в голову туда залезть. Шахта была наклонена и вела к подножию пирамиды. Номер Семнадцать сделала несколько кругов неподалеку, считая в голове секунды, на протяжении которых решетчатый вход попадает в слепую зону полицейского дрона. От напряжения и подсчетов женщина не заметила, как конфета закончилась, а палочка упала под ноги. Но вот, на подлете очередного дрона, она прогулочным шагом подошла к решетке, и в считанные секунды, за которые его камеры разворачивались, открыла техническую калитку и нырнула в нее.

Круто наклоненный ствол шахты сулил верную смерть каждому, кто бы в нее провалился. Даже сгруппировавшись, по нему нельзя было бы скатиться без травм, а проехаться, как по снежному склону было равно остаться без пятой точки, и опционально, части спины. Однако, Номер Семнадцать в первую же секунду зацепилась за стенку шахты с помощью присосок на пальцах высокотехнологичного костюма и передвигалась вниз, словно насекомое, прижавшись к стене на полусогнутых конечностях. Немного спустившись вниз, женщина остановилась и слегка повисела в трубе, закрыв глаза и слушая шум потоков воздуха, чтобы глаза привыкли к темноте, после чего продолжила спуск.

Масштабы пирамиды всегда играли на руку любителям попутешествовать нестандартным образом. Ее размеры предполагали широкие туннели и технические отсеки, занимающие целые кварталы. И даже заглушка для вентиляции здесь имела достаточно крупные отверстия, чтобы не слишком тучный человек мог в них протиснуться. Остановившись перед самой заглушкой, не желая попасть под прицел камер наблюдения снаружи пирамидального города, женщина сняла толстовку, намотав ее на перемычку между отверстиями и крепко завязав узлом, активировала нанокостюм на голове и лице, оказавшись, таким образом, полностью покрытой им, и включила мимикрирующий режим. Номер Семнадцать выбралась из вентиляционной шахты, и спустилась к подножию пирамиды по ее отвесному краю.

Несмотря на спокойствие и четко просчитанную привычность этой рутинной акробатики, женщина замерла, на мгновение поддавшись приступу головокружения. Перед ней был заасфальтированный участок земли, обрамляющий пирамидальный город, а за ним – небольшая роща и бескрайнее поле. Казалось, что пейзаж был настолько незатейливо простым, что в былые времена даже не зацепил бы взора проезжающего. Но у Номер Семнадцать чуть не подкосились ноги. Огромное пространство, отсутствие искусственных стен и потолков, яркий свет... слепящего солнца – все это вызывало ощущение щемящего благоговения. Женщина чувствовала себя крохотной частицей пыли, которую вот-вот подхватят потоки воздуха и, подняв, уронят где-нибудь за множество километров. Она сделала шаг. Ее охватило желанием на что-то опереться, за что-то схватиться, и она на миг оцепенела. Еще шаг. И еще один. Каждый из них становился все легче, а страх перед открытым пространством отступал. Номер Семнадцать вдруг побежала вперед, ослепленная отсутствием стен и препятствий и пришла в себя лишь глубоко в роще, где сделала передышку, наслаждаясь каждой секундой вне города-пирамиды, который колоссальной всепожирающей тушей возвышался над ней, всей своей сущностью показывая, как же ничтожны существа, покинувшие его темную утробу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.